

Исторический вестник. 2023. Т. XLIV
DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.003

И.Э. Ульянов

ХРОНОЛОГИЯ, ТЕРМИНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ЭВОЛЮЦИИ ЛЕГКОЙ ПЕХОТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Разделение пехоты на различные виды прослеживается с доантичных времен. В античных армиях, особенно во времена Древнего Рима, эта система была закреплена и формализована, найдя свое продолжение в войсках Византии. Господство кавалерии на полях сражений повлекло за собой явный упадок пехоты как рода войск, который начал возрождаться только в Позднее Средневековье. В это время опасным противником рыцарской конницы стала легкая пехота — лучники и арбалетчики, но основными показателями возрождения пехоты стало возвращение к использованию сомкнутого строя и длиннодревкового холодного оружия — собственно, главных признаков пехоты тяжелой. Следующим фактором, повлиявшим на развитие пехоты, стало массовое внедрение в обиход ручного огнестрельного оружия, доказавшее бесполезность защитного снаряжения и громоздкого холодного оружия. Этот технический прорыв вкупе с изменением общественных и экономических формаций вновь сделал пехоту главным родом войск всех европейских армий вплоть до завершения Второй мировой войны.

Фактически, в середине XVII в. вся пехота получила единообразное длинноствольное огнестрельное оружие, снабженное в конце века

штыком как средством рукопашного боя. Условием оптимального использования данного вооружения стало построение солдат в длинные линии глубиной в несколько шеренг — соответственно, пехота стала носить название «линейная».

На практике, помимо содержания «основных» полевых армий, настоящие потребности ряда государств выдвигали также задачи защиты границ, а также участия во время военных кампаний в так называемой «малой войне» — совокупности действий небольших отрядов, выполняющих задачи разведки («освещения местности»), поиска припасов, пресечения вражеских путей снабжения, преследования отступающего противника и защиты собственных коммуникаций. Войска, способные на такие действия, именовались «легкими»; первоначально преимущественно конные, в дальнейшем они получили поддержку в виде пеших формирований. Легкую пехоту второй половины XVII — первой половины XVIII в., нечасто используемую в полевых баталиях, мы можем с большим основанием называть «пехотой театра военных действий», в то время как линейную — «пехотой поля боя». Постепенно действия легкой пехоты стали обязательной составляющей любых боестолкновений. Процесс ее развития имел две взаимодополняющие тенденции: с одной стороны, рост численности этой пехоты в отдельных странах влиял на изменение общей тактики армий; с другой стороны, резкое увеличение числа легкой пехоты было вызвано принципиальными переменами методов ведения войны, произошедшими в конце XVIII в.

По сути, соотношение легкой и линейной пехоты лежит в основе теоретической классификации набора тактических схем, преимущественно применяемых войсками европейской цивилизации в тот или иной период. До сих пор общепринятым в отечественной историографии является разделение тактики армий Нового времени на «линейную» и тактику «колонн и рассыпного строя». Даже первоначальный анализ неизбежно приводит исследователя к пониманию всей необоснованности подобной схемы. Действительно, баталии XVII–XVIII вв. изобилуют тактическими приемами, далекими от хрестоматийных основ линейной тактики, а в сражениях конца XVIII — XIX в. мы часто встречаемся с развернутыми построениями. Исходя из этого положения, мы предлагаем ввести новую классификацию и периодизацию процесса развития военной тактики:

- 1) тактика сомкнутого строя — с конца XVI в. до конца 70-х гг. XVIII в.;
- 2) тактика комбинированного строя — с конца 70-х гг. XVIII в. до конца XIX в.;

3) тактика рассыпного строя — с конца XIX в.

В каждый из последующих периодов легкая пехота переходила на новый качественный уровень. Различие между видами пехоты в это время фактически сводилось к дальности, на которой воин мог наносить существенный урон противнику, и к виду местности, на которой воин мог действовать с наибольшей эффективностью.

Для достижения большой дальности стрельбы легкие пехотинцы, во-первых (как правило), проходили углубленное обучение, во-вторых, привыкали к свободным действиям вне сомкнутого строя, а в-третьих, в ряде случаев получали гладкоствольное оружие лучшего качества или нарезное оружие. Использование для ведения боя пересеченной местности также стало преимущественной функцией легкой пехоты, которая обучалась рассыпному строю. Этот последний навык в ряде случаев оттеснял на второй план стрелковую подготовку, а иногда дополнялся элементами ударной тактики.

С другой стороны, в различных европейских армиях, как в легкой, так и в линейной пехоте, существовали на временной или постоянной основе формирования специально отобранных метких стрелков, получивших свои навыки либо в повседневной жизни, либо на воинской службе. Для их обозначения в германских государствах использовались термины «Jaeger» и «Scharfschütze», в англоязычных странах — «Rifles» или «SharpShooter», в Габсбургской империи — «Pandúr». В исследованиях по истории русской армии различия между обычной легкой пехотой и стрелками не выделялись; считалось, что все функции выполнялись егерями. В данной статье мы покажем, что это далеко не всегда соответствовало реальному положению вещей. Устоявшегося названия для таких военнослужащих в русском языке придумано не было, а имеющиеся термины — егеря, стрелки, застрельщики — в разное время несли разную смысловую нагрузку. Для дальнейшего обозначения данной категории военных мы предлагаем использовать термин «снайпер»: получив широкое распространение гораздо позже, в России XVIII–XIX вв. он не имел хождения, а следовательно, не может внести путаницу в терминологию.

Переходя к вопросу зарождения легкой пехоты в России, мы можем встретить практику назначения стрелков, выполняющих особые функции, уже в начале XVIII в. Так, в составленных при участии Петра I в 1713 г. «Регулах, которые при баталии предостережены быть имеют» первым пунктом упоминалось: «Когда на неприятеля наступать, то надобно, чтоб нарочно при инфантерии некоторые люди отправлены и от-

делены были у неприятельской артиллерии людей и лошадей разорить и оных искать побить»¹. Исходя из выявленных на данный момент фактов, эта практика носила фрагментарный характер.

Начало организации стабильных и относительно многочисленных формирований легкой пехоты до сих пор исследователи относили ко времени третьей осады крепости Кольберг в 1761 г. Между тем еще раньше перед государством встала задача охраны расширяющихся границ, и 24 декабря 1751 г. был подписан именной указ императрицы Елизаветы II², согласно которому в российское подданство принимались сербы, готовые поселиться и нести службу на пограничной линии Правобережной Украины в составе конных гусарских и пеших пандурских полков, в общих чертах повторяющих организационную структуру австрийских пандуров. Автором проекта и руководителем Новосербского корпуса стал Иван Хорват (Иван Хорват Куртич). По специфике своей службы пандуры явно относились к снайперской пехоте. В последующие годы по документам было создано не менее 24 поселенных рот, но реальное положение дел было не таким радужным: людей в ротах было мало³, и в конечном итоге в 1764 г. все пандурские части сформировали.

В 1761 г. в корпусе П.А. Румянцева, осаждавшем Кольберг, было собрано 2 «легких» батальона⁴, призванных выполнять функции легкой пехоты — действовать на пересеченной местности и защищать силы корпуса от прусских вольных батальонов и егерей. Батальоны очень хорошо проявили себя в боях при осаде крепости. В данном случае речь о снайперских функциях не шла — для специальной подготовки стрелков не было ни времени, ни опыта.

После завершения Семилетней войны актуальной задачей империи стала защита протяженных границ. Если в степной местности с этой работой лучше справлялись кавалерийские подразделения, то в лесах на западных и северо-западных границах востребованным стал

¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. В 15 т. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788–1789. Т. 5. С. 413.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского. В 45 т. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 13. № 9919.

³ Белова Е.В. Из прошлого Новороссии: сербы на охране российских границ (1750–1760-е гг.) // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 47.

⁴ Фельдмаршал Румянцев. 1725–1796. Сборник документов и материалов. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947. С. 30–32.

прицельный огонь одиночных стрелков. Очевидно, уже с 1763 г. генерал-аншеф П.И. Панин учредил при пехотных полках Финляндской дивизии команды егерей, а 13 октября 1765 г. был высочайше утвержден составленный по его инициативе доклад «О учреждении Егерского корпуса»⁵. Ссылаясь на опыт Семилетней («последней») войны, Панин выделял две основные задачи, которые выполняли «пехотные егерские и другие легкие под разными названиями корпуса» Пруссии и других стран — участниц войны:

- 1) «подкрепление кавалерии при закрытых ситуациях»;
- 2) «предупредительное захватывание с твердою ногою всяких способных для пользы своей трудных проходов лесов и разных закрытых мест».

Исходя из заявленных задач, целью создания егерских формирований признавалось повышение эффективности «малой войны».

Согласно докладу, в 25 полках Лифляндской, Эстляндской, Финляндской и Смоленской дивизий из каждой роты выбиралось по 5 человек для егерской службы; общая численность егерского корпуса составляла 1650 человек всех чинов. 13 ноября 1769 г. такие команды было повелено иметь во всех полках армейской пехоты, а с 1770 г. — в полках гвардии; теперь эти команды числились сверх штата полков. Егеря содержались также и при смешанных воинских формированиях — легионах и легких полевых командах.

Итак, в период 1763–1777 гг. в русской армии под названием «егерских» развивались снайперские формирования, достаточно быстро прошедшие эволюционный путь от отдельных егерей при ротах до егерских команд при полках и временных батальонов. При этом они все еще комплектовались отборными людьми из полков пехоты и придерживались преимущественно огневой тактики.

Особенности процесса дальнейшего развития легкой пехоты в России в основе своей имели как объективные, так и субъективные причины. Прежде всего, необходимо отметить специфику военных действий империи второй половины XVIII в.: в многочисленных вооруженных конфликтах армии пришлось преимущественно сталкиваться с противником, не практикующим использование сомкнутых строев и не избегающим действий на пересеченной местности, с противником чрезвычайно мобильным и, как правило, численно превос-

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 43. Ч. 1. № 12494.

ходящим русские войска. В этих условиях огонь единичных стрелков становился неэффективным, требовалось укрупнение подразделений и придание им способности самостоятельных действий. По сути, снайперские навыки постепенно отходили на второй план, и егеря становились просто легкой пехотой. Уже в период 1770–1777 гг. они действовали в составе временных сводных батальонов, а 26 мая 1777 г.⁶ были собраны в 6 постоянных батальонов при пограничных дивизиях; при этом для пополнения батальонов стали использоваться рекруты.

Этот шаг привел к явному снижению стрелковых качеств егерей, но запустил процесс достаточно активного роста нового вида пехоты, от которого требовалась, прежде всего, мобильность и способность к действиям вне стандартных схем. С этого времени российская армия в своих действиях стала все активнее практиковать тактику комбинированного строя. Количество батальонов постепенно росло, но настоящий скачок численности был связан с деятельностью Г.А. Потемкина, который стремился выдвинуть легкую пехоту на ведущие позиции в новых войнах. 14 января 1785 г. было образовано 6 четырехбатальонных егерских корпусов⁷; к 1795 г. их число было увеличено до 10, а всего в армии состояло 42 батальона егерей. Немалое внимание уделялось и развитию других подвидов легкой пехоты — подразделений и частей гренадерской легкой пехоты, а также казачьих пеших формирований. Но и снайперские функции оказались востребованными: в ротах егерских батальонов завели так называемых «отборных стрелков». Так, в ордере по Бугскому егерскому корпусу М.И. Кутузов 19 февраля 1788 г. предписал «в каждой роте лучших стрелков от 20 до 30 человек иметь отобранных и записанных, которые... особливо употребляться будут»⁸. В стороне не были оставлены и полки линейной пехоты. А.В. Суворов прямо делегировал функцию прицельной стрельбы выбранным стрелкам (по 4 стрелка в «корпоральстве»). К концу правления Екатерины II практически четверть полевой пехоты можно было отнести к пехоте легкой, а снайперские функции выполнялись отборными стрелками как легкой, так и линейной пехоты.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 43. Ч. 1. № 14614.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. 22. № 16128, 16131.

⁸ М.И. Кутузов. Документы. Т. 1. М., 1950. М.И. Кутузов. Сборник документов и материалов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Военное издательство, 1950–1956. Т. 1. С. 58.

Пришедший к власти Павел I имел собственные взгляды на тактические приемы, основанные, прежде всего, на изысканиях европейских теоретиков. В этой системе легкая пехота преимущественно выполняла снайперские функции, и среди первых шагов императора было резкое снижение численности егерских подразделений: фактически, егеря стали составлять только около 10% от всей пехоты, а абсолютное их число снизилось более чем вдвое. 29 ноября 1796 г. из корпусов и батальонов были сформированы сначала батальоны, а потом полки, в каждом из которых состояло менее тысячи человек. Переформирование имело и положительный эффект: в строю егерских полков остались только самые лучшие солдаты прежних корпусов. Более того, Павел планировал вооружить половину всего числа егерей нарезным оружием, которое до сих пор состояло в батальонах в небольшом количестве. Пехота в таком составе, действительно, могла бы успешно соперничать с европейскими противниками XVIII в., но, к сожалению, в конце века дело пришлось иметь с армией новой формации — с французскими республиканскими войсками. Оказалось, что для эффективного противодействия этому врагу не хватало именно легкой пехоты, поэтому в Итальянском и Швейцарском походах пришлось вновь задействовать сводно-гренадерские батальоны и использовать «охотников» — солдат, добровольно вызвавшихся (высказавших «охоту») для действия в рассыпном строю; из последних даже формировали временные батальоны.

Александр I не сразу сделал выводы из опыта войны 1799–1800 гг., просто несколько увеличив штаты егерских полков. Эта половинчатая мера показала свою недостаточность. Уже в 1805 г. егерей на поле боя постоянно не хватало, а кампании 1806–1807 гг. привели военное руководство к мысли о неоправданности использования нарезного оружия в войнах с Францией: массы легкой пехоты французов не давали возможности проявить преимущества штуцеров над гладкоствольными ружьями, а огромные небоевые потери сводили на нет тщательность подготовки отборных стрелков. Егеря теперь должны были стать полноценной универсальной пехотой, способной выполнять функции как линейной, так и легкой пехоты.

16 августа 1806 г. штаты егерских полков приравнивали к мушкетерским, при этом отменили и построение егерей в 2 шеренги, как это было до сих пор. Число полков постоянно росло, для достижения определенной признанной «оптимальной» пропорции (33–35%) считалось приемлемым просто обращать в егеря целые полки линейной пехоты.

С 1808 г. из обращения стали выводить нарезное оружие. В 1810 г. при реорганизации всей пехоты в каждом батальоне один из 8 взводов стал именоваться стрелковым; по замыслу, он должен был обеспечивать прикрытие стрелковой цепью сомкнутого батальона. В том же году один из военных чиновников, служивший с 1780-х гг., отмечал негативные тенденции и резюмировал, что в егерские полки «поступают люди без всякого разбора, а при том занимают оных более фрунтовой службой и экзерцицией линейной пехоты, а не настоящею егерскою должно-стью... Егери в российских войсках никогда лучше не бывали, как тогда, когда были при полках полуротки, в кои выбирались способные из целого полку, но в первой турецкой войне они взяты были от полков и составились из оных батальоны, от чего впоследствии стали приходить в упадок, ибо комплектовались рекрутами без всякого выбора; а 786го году составлены уже Егерские корпуса, которые только умножали число названия егерей и вышла из них, нужно сказать, легкая пехота, а не егери... Не превосходное количество Егерей составляет важность сего корпуса, но настоящие стрелки, к тому приготовленные, коих одна тысяча сделает пользы более, нежели других десять»⁹.

С 1804 г. и в полках линейной пехоты стали целенаправленно обучать рассыпному строю все большее количество солдат, а перед войной 1812 г. проводились опыты по постижению егерского учения целыми батальонами. Большее внимание в армии начали уделять стрелковой подготовке.

Снайперские функции переходили к выделяемым в ротах линейной и легкой пехоты стрелкам (как мы уже указали, с 1810 г. значение термина изменилось), в некоторых документах именуемым «стрельцами»; кроме того, и в некоторых егерских полках всячески поддерживался культ меткой стрельбы.

В ходе кампаний 1812–1814 гг. вместе с боевым опытом заметно выросло мастерство русской пехоты в использовании рассыпного строя; в то же время стрелковые навыки повышались далеко не повсеместно из-за активного привлечения новобранцев.

Дальнейшие преобразования егерской пехоты до начала 1830-х гг. — переименования в гренадерские егерские и карабинерные — носили характер массовых награждений и не влияли на качество самой пехоты. Внимания в этот период заслуживает организация финских стрелковых батальонов в 1826 г., один из которых был причислен к гвардии и по-

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Д. 17917. Л. 2,3.

служил в дальнейшем основой для создания стрелковых подразделений, а прочие были расформированы.

С 1818 г. в армии начали внедрять новое наставление под названием «Правила рассыпного строя или наставление о рассыпном действии пехоты. Для обучения егерских полков и застрельщиков всей пехоты»¹⁰. В документе, разработанном под руководством М.Б. Баркляя де Толли, впервые четко определялись количество и функции выделяемых для прикрытия сомкнутого строя во всех линейных и легких полках солдат — по новой терминологии «застрельщиков»; термин «стрелок» сохранялся для солдат стрелковых взводов. Егерские полки по-прежнему в полном составе обучались действиям в рассыпном строю.

Согласно положениям «Воинского устава о пехотной службе» 1831 г. (и его редакции 1836 г.) в каждой роте пехоты полагалось иметь 48 застрельщиков. Застрельщики легкой пехоты считались людьми, доведенными до «высшей степени совершенства в искусстве стрелять в цель и во всех движениях рассыпного строя».

28 января 1833 г. вся армейская пехота претерпела принципиальную реорганизацию. Среди присоединенных к другим частям были 5 карабинерных и все егерские полки. В 18 пехотных дивизиях в первой бригаде числилось 2 пехотных полка, а во второй — 2 егерских, которые носили названия прежних пехотных полков. В каждой из трех дивизий Отдельного Гренадерского корпуса состоял карабинерный полк. Номинально основные функции легкой пехоты продолжали выполнять егеря и карабинеры, но на практике все чаще линейная пехота использовала рассыпной строй отдельных подразделений вплоть до 1845–1848 гг. В переизданном в эти годы уставе указывалось, что все пехотные батальоны должны обучаться рассыпному строю по примеру егерских. При этом в каждом батальоне помимо 192 застрельщиков теперь числилось 24 штуцерника с нарезным оружием.

Опыт войн конца 1820-х — начала 1830-х гг. показал, что легкая пехота далеко не всегда владела вновь востребованными снайперскими навыками. 7 января 1834 г. был сформирован первый армейский стрелковый батальон — Гренадерский стрелковый — для Гренадерского корпуса. В 1837–1855 гг. в каждом пехотном корпусе сформировали по одному стрелковому батальону с номером корпуса, кроме того, был собран

¹⁰ Правила рассыпного строя или наставление о рассыпном действии пехоты. Для обучения егерских полков и застрельщиков всей пехоты. Издано Главным штабом 1-й армии. Варшава, 1818.

еще ряд стрелковых батальонов в армии и гвардии. Сначала на создание батальонов прикомандировывались лучшие стрелки полков корпуса — фактически, армия вернулась к системе комплектования снайперских подразделений 1760-х гг. К сожалению, при всех плюсах эта система была очень неудобна с точки зрения организации и снабжения, поэтому вскоре из стрелковых батальонов сделали подразделения постоянного состава. Стрелки имели на вооружении штуцеры и, как правило, причислялись к пехотным частям отдельными ротами для конкретных операций. В дальнейшем стрелковые батальоны были сведены в бригады, полки и дивизии.

Еще большие требования к подготовке пехоты выставлял «русский фронт» на Кавказе: русские войска постоянно сталкивались с противником, прекрасно владеющим навыками индивидуального боя и использующим для своих действий чрезвычайно сложную для русских горно-лесистую местность. В этих условиях трудно было переоценить значение как легкой пехоты, так и снайперских подразделений, состоящих из застрельщиков, штуцерников, стрелков и «охотников» пехоты, а также казаков-пластунов, батальоны которых были созданы в 1830-х гг. По необходимости вообще все русские «кавказские» войска становились «легкими», но егеря и стрелки выделялись меткостью стрельбы: не напрасно горцы знали, что солдаты с «черными» (возможно, темно-зелеными) воротниками стреляли лучше, чем с красными¹¹.

После завершения Восточной войны сам термин «егерский» упразднен из военного обихода, в дальнейшем оставаясь только названием одного гвардейского полка и мелодии одного из маршей. С этого времени началось и массовое перевооружение пехоты сначала дульнозарядным нарезным, а потом казнозарядным нарезным оружием. В 1856 г. каждый пехотный батальон разделили на 5 рот, одна из которых была стрелковой и формировалась на основе штуцерников; роты эти просуществовали до 1879 г. (в гвардии — до 1874 г.).

Именно 1879 г. стал тем рубежом, когда разделение пехоты на линейную и легкую перестало быть актуальным, что было подтверждено опытом только что завершившейся большой войны на Балканах и Кавказе. Количество частей и соединений с названием «стрелковые» продолжало увеличиваться, но основы тактики стали едиными.

¹¹ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867) / Соч. А.Л. Зиссермана. В 2 ч. СПб., 1879. Ч. 2. С. 179.

Особо стоит отметить непрерывную последовательность и преемственность отечественных документов по обучению егерей и стрелков. Одно только перечисление этих наставлений, некоторые из которых были впервые выявлены автором, составит внушительный список:

Ордер П.А. Румянцева 18 августа 1761 г.;

доклад «О учреждении Егерского корпуса» 13 октября 1765 г.;

«Ордер Бугского егерского корпуса господам батальонным командирам» 16 июня 1786 г.;

«Правила для наблюдения Егерским Командирам» 6 апреля 1789 г.;

«Собрание разных егерских правил, выбранных из тактических записок и сообразованных в сходствие устава г[енерал]-м[айором] и к[авалером] Рачинским». 1799 г.¹²;

«Егерская авалюция» 1802–1806 гг.¹³;

наставление для стрелков, выделяемых из состава батальона 1802–1806 г.;

наставления для стрелков линейной пехоты 1805–1807 гг.;

«О эволюции стрелков для полков тяжелой пехоты» 11 октября 1807 г.;

егерские учения 1806–1810 гг.;

«Начертание о полевой егерской службе» 1806–1807 гг.¹⁴;

наставление «О егерском учении» 1811 г.¹⁵;

«Наставление господам пехотным офицерам в день сражения» 1812 г.¹⁶;

наставления периода 1811–1818 гг.¹⁷;

«Правила рассыпного строя или наставление о рассыпном действии пехоты. Для обучения егерских полков и застрельщиков всей пехоты» 1818 г.;

¹² ОР РНБ. Ф. 875 (Эрмитажное собрание). Д. 174.

¹³ РГВИА. Ф. 25. Оп. 1/160. Д. 3715.

¹⁴ Начертание о полевой егерской службе // Военный журнал, издаваемый при Гвардейском штабе. СПб, 1811. Кн. 6, 7.

¹⁵ Ульянов И.Э. Эволюция наставлений по подготовке егерей в России и егерское учение в 1812 г.) / Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIX Международной научной конференции, 7–9 сентября 2015 года. М., 2016. С. 285–294.

¹⁶ Наставление господам пехотным офицерам в день сражения // Военный сборник. СПб., 1902. № 7. С. 238–244.

¹⁷ Ульянов И.Э. Наставления генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля для стрелков // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XX Международной научной конференции, 5–7 сентября 2016 г. М., 2017. С. 81–100.

- «Об употреблении стрелков в линейных учениях» 1820 г.¹⁸;
- «О действиях стрелковой роты и стрелкового батальона» 1842 г.;
- «О рассыпном строе трехротного батальона» 1843 г.;
- «Рассыпной строй, составленный Лейб-Гвардии Гренадерского полка поручиком Аксеновым» 1848 г.

Этот список нельзя считать окончательным, так как новые документы продолжают выявляться. Указанные наставления существовали параллельно с основным действующим строевым уставом; при этом автором была прослежена преемственность и неразрывность наставлений по обучению егерей и стрелков. Только изданный в 1831 г. (переизданный в 1836 г.) «Воинский устав о пехотной службе» включил в себя несколько переработанные эволюции рассыпного строя не только застрельщиков, но и егерского и стрелкового батальонов; эта система сохранилась и в более поздних уставах.

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы:

1) новая классификация видов полевой пехоты Российской армии второй половины XVIII — конца XIX в. включает в себя линейную пехоту, легкую пехоту и снайперскую пехоту;

2) легкую и снайперскую пехоту в разное время составляли пешие бойцы, носившие следующие названия: пандур, егерь, стрелок, отборный стрелок, гренадер, казак, охотник, стрелец, гренадер-егерь, карабинер, застрельщик, пластун, штуцерник;

3) обучение легкой и снайперской пехоты за весь период их существования производилось на основании отечественных документов.

Анализ данных о наличии в русской армии формирований легкой и снайперской пехоты позволяет выделить три основных этапа развития этих видов пехоты:

1. 1751–1806 гг. — период обособленного развития легкой пехоты. В этот период полный комплекс функций легкой пехоты возлагался преимущественно на специально созданные формирования — роты пандуров, легкие батальоны, егерские команды, батальоны, корпуса и полки. Все они имели собственные, отличные от линейной пехоты организацию, вооружение, системы подготовки и (чаще всего) комплектования. Некоторые функции легкой пехоты делегировались ограниченному числу частей и подразделений линейной пехоты и иррегулярных войск. Основная масса линейной пехоты не обучалась действию в рассыпном строю. Снайперская подготовка практиковалась изначально во всей лег-

¹⁸ Об употреблении стрелков в линейных учениях. СПб., 1820.

кой пехоте (кроме легких батальонов 1761 г.), затем — среди отдельных выбираемых солдат легкой и линейной пехоты, в период 1796–1806 гг. — в егерских полках.

2. 1806–1832 гг. — переходный период. Егерские части, продолжая выполнять функции легкой пехоты, все чаще использовались в качестве линейной пехоты, но при этом в ряде случаев сохраняли егерские традиции. В то же время обучение рассыпному строю начало активно внедряться в подготовку подразделений линейной пехоты, для чего стали создаваться специальные наставления. Функции снайперов выполнялись отдельными выделенными солдатами легкой и линейной пехоты, за исключением единичных случаев появления стрелковых батальонов.

3. 1833–1879 гг. — период создания однородной пехоты. Разделение пехоты на легкую и линейную в массе приобретает формальный характер. Обучение рассыпному строю распространяется на все большее число пехотных подразделений и постепенно становится всеобщим. Для снайперских функций выделяются отдельные стрелковые батальоны и команды застрельщиков, штуцерников и охотников, а затем — стрелковые роты, расформированные в 1879 г. С этого времени стрелковые батальоны продолжают получать углубленную стрелковую подготовку, но вся пехота в целом уже может считаться легкой, предназначенной преимущественно для рассыпного строя.

REFERENCES

1. RGVIA (Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv) [The Russian State Military-Historical Archive]. F. 25. Inv. 1/160. Doc. 3715.
2. RGVIA (Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv) [The Russian State Military-Historical Archive]. F. 846. Inv. 16. Vol. 3. Doc. 17917.
3. OR RNB (Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki) [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. 875 (Hermitage Coll.). Doc. 174.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg. (v 45 t.) [The complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. 1649–1825 (In 45 vols.)] / Ed. by M.M. Speransky. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. Vol. 13.
5. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg. (v 45 t.) [The complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. 1649–1825 (In 45 vols.)] / Ed. by M.M. Speransky. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. Vol. 22.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg. (v 45 t.) [The complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. 1649–1825 (In 45 vols.)] / Ed. by M.M. Speransky. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. Vol. 43. Pt. 1.
7. Nastavlenie gospodam pehotnym oficeram v den' srazheniya [Instruction to gentlemen infantry officers on the day of battle] // Voennyj sbornik. St. Petersburg, 1902. № 7. S. 238–244.
8. Ob upotreblenii strelkov v linejnyh ucheniyah [On the usage of shooters in linear exercises]. St. Petersburg, 1820.
9. Nachertanie o polevoj egerskoj sluzhbe [The inscription about the field jaeger service] // Voennyj zhurnal, izdavaemyj pri Gvardejskom shtabe. St. Petersburg, 1811. Books 6, 7.
10. Pravila rassypnogo stroja, ili Nastavlenie o rassypnom dejstvii pehoty. Dlya obucheniya egerskih polkov i zastrel'schikov vsej pehoty [The rules of the split-up formation, or The instruction on the split-up action of infantry. For training jaeger regiments and skirmishers of all infantry]. Warsaw: Glavnyj shtab 1-j armii, 1818.

11. *Kutuzov M.I.* Sbornik dokumentov i materialov [Collection of documents and materials] / Ed. by L.G. Beskrovnyi. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1950–1956. Vol. 1.
12. *Fel'dmarshal Rumyantsev. 1725–1796.* Sbornik dokumentov i materialov [Field marshal Rumyantsev. 1725–1796. Collection of documents and materials] / Ed. by N.M. Korobkov. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947. 408 s.
13. *Belova E.V.* Iz proshlogo Novorossii: Serby na ohrane rossijskih granic (1750–1760 gg.) [From the past of Novorossiya: Serbs on the protection of the Russian borders (1750–1760's)] // *Novyj istoricheskij vestnik.* 2008. № 1(17). S. 39–49.
14. *Golikov I.I.* Deyaniya Petra Velikago, mudrago preobrazitel'ya Rossii, sobrannyya iz dostovernyh istochnikov i raspolozhennyya po godam (v 15 t.) [The Deeds of Peter the Great, the wise transfigurator of Russia, collected from reliable sources and arranged by year (In 15 vols.)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, u N. Novikova, 1788–1789. Vol. 5.
15. *Zisserman A.L.* Dvadcat' pyat' let na Kavkaze (1842–1867) [Twenty-five years in the Caucasus (1842–1867)] / Coll. Works of A.L. Zisserman (In 2 parts). St. Petersburg, 1879. Pt. 2.
16. *Ul'yanov I.E.* Evolyuciya nastavlenij po podgotovke egerej v Rossii i egerskoe uchenie v 1812 g. [Evolution of instructions for the training of jaeger in Russia and the jaeger's doctrine in 1812] // *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy, Materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, 7–9 sentyabrya 2015 goda* [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Proceedings of the XIX International Scientific Conference, September 7–9, 2015]. Moscow, 2016. S. 285–294.
17. *Ul'yanov I.E.* Nastavleniya general-lejtenanta F.F. Shtejngel'ya dlya strelkov [Instructions of Lieutenant General F.F. Shteingel for shooters] // *Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy, Materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, 5–7 sentyabrya 2016 goda* [The Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Proceedings of the XIX International Scientific Conference, September 5–7, 2016]. Moscow, 2017. S. 81–100.

Ключевые слова:

Российская империя, русская армия, лёгкая пехота, егерские полки, периодизация.

Илья Е. Улянов

CHRONOLOGY, TERMINOLOGY AND PERIODIZATION OF THE EVOLUTION OF THE LIGHT INFANTRY OF THE RUSSIAN EMPIRE

The author explores and analyzes the process of evolution of the Russian light infantry from the time of its creation until the obliteration of the distinction between types of infantry. Based on the analysis, it is proposed for the first time to introduce a periodization of the process of this evolution. Drawing on a number of well-known and newly identified sources, the author traces the continuous sequence and continuity of domestic documents on the training of rangers and shooters.

Keywords: Russian Empire, Russian Army, Light Infantry, Ranger Regiments, Periodization.

Илья Е. Улянов – Chairman of the Advisory Council of the OOD «Reconstruction Clubs of Russia», member of the Advisory Council on Patriotic Education at the Federal State Budgetary Institution «Rospatriotcenter», Dissertator Ufa University of Science and Technology, History Department.

 Улянов Илья Эрнстович

председатель Экспертного совета ООД «Клубы реконструкции России», член Экспертного совета по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриотцентр», диссертант УУНИТ, кафедра Отечественной истории